

**«Корона Людовика Святого»
в потестарной практике французской монархии**

Светлана Анатольевна Польская

Ставропольский государственный университет, Россия
355007, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: polskaya-sa@yandex.ru

Аннотация. Статья раскрывает сакральную функцию французской монархии посредством анализа внешнего вида, семантики и применения т.н. «короны Людовика Святого» – одной из королевских регалий. Отдельное внимание уделено связанной с ней потестарной практике рекоронации и короношения.

Ключевые слова: коронация, церемония королевского посвящения, коронационные *ordines*, короношение, рекоронация, «корона Людовика Святого», «святая корона».

УДК 994(44) 02 023

Инаугурационная корона французских монархов являлась главной королевской регалией наряду с составляющим их комплекс мечом, скипетром, «рукой Правосудия», коронационным кольцом и мантией. Наиболее ранней выступает корона Карла Великого, известная как Большая Императорская корона. Однако не меньшую известность приобрела «корона Людовика Святого», которая датируется историками искусства первой половиной XIII в., на основании чего ими сделано заключение о возможной ее подлинности [1]. Следовательно, она могла быть изготовлена по распоряжению Людовика IX. Примечательно, что, имея типичную форму венца, она была исполнена ярко выраженного сакрального начала. Это – корона-реликварий, в нее вправлен шип из тернового венца Спасителя, купленного после долгих переговоров с императором Константинополя Балдуином II и привезенного во Францию в 1239 г. [2] Она известна под именем «Святой короны» или «Святого венца», имеет очень высокий венец «... с одним лепестком трилистника с вправленным в него огромным камнем, и четыре резных цветка, слегка обозначенных», – пишет доминиканец-эрудит Ш. Беви в своем трактате об инаугурации монархов [3]. Но вот как описывает ее «Инвентарная книга 1634 г.» аббатства Сен-Дени под №205: «Золотая корона, прозванная «святой короной» с четырьмя зубцами в виде цветов, в одном из которых имеется Шип Господа нашего, сия корона богато украшена драгоценными камнями и особенно выделяется один большой круглый и прекрасного цвета кабошон, просверленный по всей длине и имеющий тяжесть в триста каратов, стоимостью в двадцать миллионов ливров. Сия корона оценена на общую сумму тридцать миллионов шестьсот десять ливров, один су 30610» [4]. Таким образом, данные трактата Ш. Беви не противоречат беспристрастному тону описи, что еще раз доказывает ценность источников XVI–XVIII вв., выполненных в этом жанре.

Заметим, что дополнительным источником, сообщающем о внешнем виде «Святой короны», может служить ряд миниатюр *ordo* 1250 г., а так же данные нумизматики: аверсы малого королевского золотого ассиза Филиппа IV Красивого, золотой монеты Людовика X и Филиппа VI. Кроме того, на основании сопоставления миниатюр, изображающих въезд Людовика IX в Антиохию и в Неаполь, можно прийти к выводу о преемственности формы «Святой короны» в последующем, т.к. ее изображение содержит иконография всех французских монархов, а также сфрагистический материал, имеющий, как известно, максимально достоверный характер. Печати французских королей XI–XII вв. (Генриха I, Людовика VII, Филиппа II Августа) отображают еще неясную, скорее схематическую форму короны, в то время как печать регентства Людовика IX четко фиксирует внешний вид «Святой короны», подтверждая данные приведенных выше документов: зубцы с навершиями в виде цветов лилии, широкий обруч, просматривается даже огранка драгоценных камней. Примечательно, что на печатях королей XIII–XIV вв. (Филиппа IV, Иоанна II и Карла V) запечатлена та же форма короны, ставшая, таким образом,

традиционной. В подражание ей изготовлялись все короны, впоследствии хранящиеся в аббатстве Сен-Дени.

Представление об остальных драгоценностях, украшавших «Святую корону», вновь дает опись комиссии генерала Моннэ, работавшей в Сен-Дени с ноября 1793 по апрель 1794 гг.: «Описано 7 флореаля и позже (26 апреля по дореволюционному календарю – С.П.). 13 пакетов с двумя золотыми коронами, одна из которых – с четырьмя зубцами, а другая, с реликвией, украшена жемчугом». Во втором случае речь, безусловно, идет о «Святой короне», которая была украшена следующими драгоценностями: «1. Пять рубинов, просверленных по всей длине, один из которых вытянутой, четыре других – неправильной формы грубые кабошоны, весом все вместе в двести шестнадцать каратов.

2. Одиннадцать рубинов плохого цвета, пять из них огранены в форме каре, а шесть прочих – грубые кабошоны без отверстий, весом все вместе в двести восемьдесят три карата.

3. Три сапфира, просверленные по всей длине, два овальной и один – треугольной формы, весом все вместе в сто восемьдесят каратов.

4. Тринадцать сапфиров прекрасного цвета, из них три имеют форму восьмиугольника, шесть – каре, два – овальные, один – каре с закругленными концами, и один – треугольный, весом все вместе в четыреста пятьдесят каратов.

5. Тринадцать изумрудов, одиннадцать – в форме каре, один – подвески, и еще один – восьмиугольный, весом все вместе в шестьдесят каратов.

6. Один большой и прекрасный сирийский гранат, просверленный по всей длине, в форме подвески, вправленный (т.е. находящийся в глубокой, на всю толщину камня, оправе – С.П.) и прозрачного цвета, весом в двести семьдесят каратов и две четверти. Он закрывает собой Святой Шип.

7. Шесть других гранатов, все кабошоны, просверлены, из них четыре имеют форму овала, два – вычурную форму, один – в виде удлиненного книзу гильошинированного (т.е. украшенного гранями в виде сложного узора пересекающихся под разным углом линий – С.П.) овала, весом все вместе в сто сорок каратов и одну четверть.

8. Одиннадцать обрывков от пяти лопнувших нитей жемчуга в оправе, один сапфир в форме каре с одной стороны, кабошон, тусклого цвета, весом в двести тридцать каратов и две четверти.

9. Еще один сапфир в форме треугольника прекрасного цвета, кабошон, весом в семьдесят шесть каратов.

10. Шесть сапфиров, просверленных по всей длине, два – в форме подвески, два – овальные и два – в виде вытянутого треугольника; из них три – хорошего цвета, весом все вместе в четыреста сорок каратов.

11. Четыре маленьких желтых топаза, два из них – овальной формы, один – в виде удлиненного каре и еще один – восьмиугольник, все надтреснутые, весом все вместе в шестьдесят четыре карата.

12. Четырнадцать изумрудов и лучшие из них – три отшлифованных, весом все вместе в семьдесят каратов, восемь – отшлифованных из лопнувших нитей в оправе.

13. Двести одна жемчужина и шесть наполовину отломленных в нижней части, весом все вместе в одну унцию шесть сантимов шестьдесят шесть граней» [5].

Если корона Карла Великого являлась символом власти светского владыки, наследника великой империи, то «корона Людовика Святого» демонстрировала наличие у светского монарха священной власти. Подобно тому, как аббатства, монастыри и отдельные высокопоставленные лица духовного сана хранили те или иные реликвии в дароносицах и реликвариях, так и монарх, увенчавшись короной с символом Страстей Христовых, становился его живым носителем. «Корона Людовика Святого», благодаря заключенной в ней реликвии (вопрос ее подлинности в данном случае не принципиален), сама по себе представляла священный предмет. Как знак королевской власти она приобретала еще большую ценность, поскольку придавала носящему ее монарху сакральный ореол. Корона одновременно выступала как амулет и символ сакральной функции королевской власти. Неудивительно, что, несмотря на весь престиж короны Карла Великого, монархи короновались и «короной Людовика Святого». Так поступили Иоанн II и Карл VII, которые, вопреки претензиям королей Англии, подтвердили свое происхождение от Людовика Святого, но короли конца XV – начала XVI вв. в силу растущих политических амбиций предпочли вернуться к авторитету императора франков, и корона Карла Великого со

временем восторжествовала над «коронай Людовика Святого». В самом деле, растущие претензии монархии распространялись и на оценку королевских регалий. Но на том этапе, когда сакрализация королевской символики достигла своей кульминации (она приходится на правление Людовика IX), «Святая корона» явилась символом всехристианнейшего короля и стала внешним выражением складывавшегося в этот период королевского культа.

Следствием крепнущего влияния королевской власти в обществе стало придание монарху ряда репрезентативных прерогатив, в том числе публичного короношения, практика которого складывалась постепенно, но окончательно оформилась во второй половине X в. (по мнению Э. Канторовича, она восходит к византийскому обычаю, укоренившемуся на западе Европы «... со времен позднейших Каролингов» [6], и эта позиция разделяется целой плеядой специалистов [7]). Разумеется, для придания своему появлению большей торжественности, король должен был носить корону в особых случаях. К их разряду не причислялись многочисленные светские мероприятия: на них монарх обходился так называемой «повседневной» короной, более легкой и удобной с практической точки зрения и менее священной, исходя из понимания сакральности королевских регалий, поскольку она не использовалась в инаугурационной церемонии и не содержала реликвий. Короношение являлось обязательным в дни основных христианских праздников: Рождества, Пасхи и Троицы. По аналогии с клиром, облачавшимся в эти дни в мантии и митры, светский владыка выступал в подлинно сакральной короне (для этого ее специально доставляли из аббатства Сен-Дени) как знаке королевской власти. Короношение было призвано показать всю силу и подлинность суверенитета монархии. Следовательно, в X–XI вв. корона уже не являлась только выделяющим короля символом, который король мог надевать или снимать по своему усмотрению. Теперь она сама стала своего рода фетишем, имеющим, по определению Э. Канторовича, характер «квази-литургического одеяния». Теоретически король не имел права самостоятельно облачаться в знаки своего достоинства в силу того, что в ходе инаугурации они вручались Церковью, и впоследствии право возложить корону на голову монарха во время праздничных богослужений оставалось привилегией либо епископа, в пределах чьей епархии располагалась церковь, либо личного духовника короля, который также являлся священнослужителем высокого ранга [8]. Напомним, что речь идет о редких, случающихся только трижды в год богослужениях, связанных с основными вехами христианского календаря. В этом случае инаугурационная корона вручалась монарху публично, непосредственно во время литургии. Порядок богослужения и проводящий его священник не могли быть случайными лицами, даже если священная дата Рождества, Пасхи или Троицы заставала короля в пути. Во всех прочих случаях корона, используемая при инаугурации, практически не использовалась.

Такого рода ритуал оказался связанным с повторным возложением короны и получил название рекоронация. Совершаемая в ходе литургии в дни Рождества, Пасхи и Троицы, она с середины X в. стала традиционной и формально инсценировала ритуал коронации в церемонии королевского посвящения (*le sacre royal*). Фактически же каждое возложение короны епископом на голову монарха за рамками церемонии в Реймском соборе подтверждало ее, хотя и достаточно упрощенно. Так, отсутствовал ритуал помазания, поскольку совершался над монархом только однажды и не совершались процедуры, связанные с вызовом пэров, их коллективным прикосновением к короне и т.д. [9] Рекоронация ограничивалась только публичным возложением лежащей на алтаре короны на голову монарха в ходе литургии [10]. Если обратить внимание на тот факт, что коронационные протоколы (*ordines*) требовали от монарха соблюдения поста и исповедования перед церемонией, то вероятно, что некоторые монархи придерживались такого предписания и перед надеванием короны. Тех же правил придерживались и священники перед своим посвящением в сан. В целом связанная с днями основных христианских праздников практика рекоронации практически всегда подразумевала предшествующий им пост, что только усиливало торжественность ритуала и авторитет короля. В этом свете становится очевидным, что, несмотря на редкое ношение короны последними Каролингами и Капетингами до второй половины XIII в., акценты в ритуалах короношения и рекоронации постепенно все более разделялись на более светский, если публичное появление облаченного в корону монарха было связано с его властными полномочиями, и более сакральный, если в ходе рекоронации на первый план выступала именно священная функция монархии. Одновременное увеличение количества ритуалов,

связанных со светскими прерогативами королевской власти в церемонии *le sacre royal*, зафиксированное с этого периода (особенно в *ordines* эпохи Людовика IX), привело к своего рода равенству полномочий светской и духовной властей в сложном сплетении ритуалов, составляющих инаугурационный протокол.

Тенденция такого рода прослеживается и по отношению к королевской мантии. Тождественность ее с мантией епископа, дьякона, кардинала и самого папы очевидна. «Королю надевают мантию, которая крепится на правом плече аграфом; чтобы руки оставались свободными, мантия перекидывается через левый локоть» [11], – указывает Ш. Беви. В том же положении располагается на священниках указанных категорий во время мессы риза – доходящая до колен священника накидка, символизирующая тяжесть Христовой ноши, перекадываемой церковнослужителем на себя. Поэтому, по замечанию Ж. Ле Гоффа, «во время своего посвящения король стоит почти как дьякон... или епископ» [12]. Миниатюры *ordo* 1250 г., изображения королей на печатях и монетах подтверждают данные Ш. Беви о способе надевания и ношения мантии. Статуя Людовика IX в аббатстве Сен-Дени также может служить доказательством: мантия короля застегнута на правом плече и переброшена через предплечье и локоть левой руки. Таковы же фигуры королей на печатях и монетах.

Следовательно, ношение короны и мантии совпадало во времени, т.е. происходило в дни главных христианских праздников, рекоронации же королей епископами во время литургии в честь Рождества, Пасхи и Троицы вышли за рамки церемонии *le sacre royal*. Исходя из этой логики, становится очевидной причина распространения не только ритуала короношения и манеры королей надевать мантию по образцу священнослужителей, но и праздничных рекоронаций. Они совершались не только в указанные дни главной триады христианских праздников, но и во время вступления короля в брак и коронации королевы. Рекоронация давала монарху возможность быть увиденным как можно большим числом его подданных, поскольку церемония *le sacre royal* в силу как своей элитарности, так и ограниченных возможностей площади собора, была закрытой для массового доступа. Праздничные дни церковного календаря усиливали в коллективном сознании собравшихся представления о сакральной природе королевской власти, торжественные рекоронации позволяли монарху появляться в короне как регалии, символизм которой определялся коронационной формулой, составленной Хинкмаром Реймским. В главе своего трактата, описывающей процедуру *le sacre royal*, Ш. Беви приводит гимн, исполняемый хором при ритуале коронации: «Господь короновал тебя славной и справедливой короной; благословенный елей пролился на тебя до скончания века; незыблемость твоей веры возвысит тебя до бессмертной жизни, чтобы править на небесах вместе с Ним, как ты правишь на земле волей Господа нашего Иисуса Христа» [13].

Параллель, проводимая между монархом и Христом, земным королем и Царем Небесным, проводимая еще в ранних *ordines* IX–X вв., крепнет именно в период правления Людовика Святого. Подтверждением тому и является его «Святая корона» с хранящейся в ней реликвией, которая стала символом не только светской власти, но и имитации призвания короля как избранника свыше по аналогии с Иисусом Христом как Сыном Божьим. Возлагаемая на голову короля в указанных выше случаях «Корона Людовика Святого», будучи сама предметом культа, придавала его персоне харизматические черты. Достижение имитации усиливалось непосредственно в момент коронации, в ходе т.н. ритуала прикосновения к короне, когда двенадцать пэров окружали монарха, словно двенадцать апостолов [14].

С другой стороны, упорядочение церемонии *le sacre royal*, предпринятое в капетингских *ordines*, окончательно сформировало восприятие регалий королевской власти, прежде всего короны, как сакральных символов. Семантически корона как бы выделяла монарха из всего светского мира, провозглашала его избранность и предназначение как христианнейшего короля. Благодаря этому возникла четкая грань между религиозным и светским уровнями власти. Король, чье божественное помазание совершалось Церковью, трансформировался в нового Давида, стал главой христианского мира, не впадая при этом в режим цезарепапизма. По этой причине ритуал короношения, потенциально несущий в себе символическое отождествление короля со Спасителем, особенно если на него возлагалась «Святая корона», в конце XIII в. исчезает [15]. Претензии королевской власти, начавшиеся было при жизни Людовика IX набирать сакральный авторитет, были в значительной

степени умерены, и хрупкое равновесие в вопросе о приоритете духовной и светской властей восстановлено. Корона как символ королевского могущества не приобрела сакральной семантики, хотя сама по себе как главная королевская регалия она была окружена осязаемым ореолом сакральности (особенно в случае с «корона Людовика Святого»).

Примечания:

1. Gaborit-Chopin D. Histoire de Trésor // Le Trésor de Saint-Denis / Ed. Montesquiou-Fezensac B. de, Gaborit-Chopin D. – Vol.1. Inventaire de 1634. P., 1973. Vol. 1. P. 72.
2. См. подробнее: Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой / Пер. с фр. В.И. Матузовой, комм. Д.Э. Харитоновича. М., 2001. С.111-116.
3. Bevy Ch.J. Op. cit. P. 75.
4. Inventaire de 1634 // Le Trésor de Saint-Denis... . P. 70. 5. État des pierreries provenant du trésor de Saint-Denis... . P. 8-9, 372.
6. Kantorowicz E.H. Laudes Regiae: A Study in Liturgical Acclamations and Medieval Ruler Worship / Trans. for Bursofzer M.F. // University of California Publication in History. – Berkeley-Los-Angeles, 1946. № 33. P. 92.
7. Острогорский Г.А. Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура: Сб. статей в честь В.Н. Лазарева. М., 1973. С. 33-42. Nelson J.L. Symbols in context: rulers inauguration ritual, in Byzantium and the West in the early Middle Ages // Studies in Church History. 1976. № 13. P. 97-119. Jackson R.A. De l'influence byzantin sur les sacres des rois de France // Byzantion. 1981. № 5. P. 201-210.
8. Kantorowicz E.H. Op. cit. P. 94.
9. Ритуал коронации во время церемонии le sacre royal является объектом изучения ряда специалистов, в том числе и автора настоящей статьи. – См.: Bautier R.-H. Sacres et couronnements sous les Carolingiens et les premiers Capétiens //Annuaire - Bulletin de SHF 1987. – 1989. P. 7-20. Vouman C.A. Sacring and Crowning: The Development of the Latin Ritual for the Anointing of the Kings and the Coronation of an Emperor before the Eleventh Century. – Groningen-Djakarta, 1957. Brown E.A.R. «Franks, Burgundians and Aquitanias» and the Royal coronation ceremony in France // Transactions of the American Philosophical Society. – Vol.82. – Part. 7. – Berkeley, 1992. Le sacre des rois. Actes du Colloque internationale d'histoire sur les sacres et couronnements royaux. – Reims, 1975. Coronations: Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / Ed. Bak J.M. – Toronto,1990. O'Meara C.F. Monarchy and Consent. L., 2001. Польская С.А. «...Прими власть как испытание...»: королевское помазание и коронация в протоколах франкских коронационных порядков // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006. С. 263-292.
10. Порядок рекоронации описан в собрании церковных рукописей, редактором которых выступил В. Лероке, а также в серии коронационных ordines, опубликованной Р. Джексоном. – Les sacramentaires et les missels manuscrits des bibliothèques de France / Éd. Leroquais V. Т.1-3. P., 1924. Bibliothèques publiques: les breviaires manuscrits des bibliothèques de France / Éd. Leroquais V. P., 1934. Les pontificaux manuscrits des pontificaux manuscrits des bibliothèques de France / Éd. Leroquais V. – Vol. II. – P.,1937. Ordines coronationis Franciae: texts and ordines for the coronation of Frankish and French kings and queens in the Middle Ages / Ed. by R.A. Jackson. – Т. 1-2. – Philadelphia, 1995, 2000.
11. Bevy Ch. J., dom. Histoire des Inauguration des rois, empereur et autres Souveraines de l'univers, depuis leur origine à présent. Siuivie d'un précis de l'État des arts des sciences sous chaque Regne des principaux faits, mœurs, coutumes et usages les plus remarquables des François, depuis Pepin jusqu'à Louis XVI. P., 1776. P. 74.
12. Le Goff J. Aspects religieux et sacrés de la monarchie française du X-e au XIII-e siècle // La royauté sacrée dans le Monde chrétien: Collection de Royaumont, mars 1989 / Sous dir. de Boureau A., Ingerflom C.S. P., 1992. P.21.
13. Ibid. P. 67-68.
14. «Когда созыв (пэров – С.П.) совершен, – предписывает ordo 1250 г., – ...архиепископ Реймский... берет с алтаря корону..., держит ее над головой короля, не надевая. Тотчас же другие пэры, как церковные, так и светские, протягивают руки, чтобы поддержать ее». – Ordo 1250. P.53.
15. Kantorowicz E.H. Op. cit. P. 101.

«Crown of Louis the Holy» in Potestary Practice of French Monarchy

Svetlana A. Polskaya

Stavropol State University, Russia
1 Pushkina Str., Stavropol 355007
PhD in History, Assistant professor
E-mail: polskaya-sa@yandex.ru

Abstract. The article discloses sacral function of French monarchy by analyzing one of the crown jewels, so-called «Crown of Louis the Holy» appearance, semantics and application. Special attention is attached to potestary practice of re-coronation and crown wearing.

Keywords: coronation, royal initiation ceremony, coronation *ordines*, crown wearing, re-coronation, «Crown of Louis the Holy», «The Holy Crown».

UDC 994(44) 02 023
